

РЕЦЕНЗИИ

Женское лицо войны

О. В. Соколов

Для цитирования: *Соколов О. В. Женское лицо войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1146–1157. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.319>*

В приведенной рецензии дан подробный анализ монографии «Страшная трагедия. Новый взгляд на войну 1812 г.», принадлежащей перу известного французского историка, профессора Сорбонны Мари-Пьер Рэй. Автор монографии декларирует во вступлении, что она написала «глобальную историю российского похода», утверждая, что до настоящего времени историки не особо интересовались людьми: мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, бойцами и гражданскими лицами, участниками и свидетелями этой трагической эпопеи. Она утверждает, что человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания, когда они, описывая действия войсковых подразделений и полков, уподобляли их оловянным солдатикам и не всегда отдавали себе отчет в том, что пережили и чувствовали военные и штатские. Представляется, что монография не совсем соответствует заявленному глобальному размаху. Несмотря на внимательный разбор гуманитарных аспектов войны книга написана предельно кратко в отношении военно-политических проблем. Оценивая деятельность политиков и военных, исследуя их мотивы поведения, автор почти всегда ссылается исключительно на мемуарную литературу, а подчас и на весьма сомнительные околонуточные рассуждения, хотя существует огромный массив опубликованных синхронных документов, которые дают объемную и правдивую картину происходящего. Разочаровывает, что автор, имевший возможность работать в лучших архивах Франции, почти не ввел в научный оборот новые источники. Более того, в работе встречаются досадные технические неточности, которые вызывают сомнения в глубине исследования. Так, автор путает номера полков с номерами дивизий и бригад, показывает малую компетентность в вопросах вооружения войск и их тактических приемов. Наконец, перевод книги на русский язык содержит недопустимые ошибки в переводе терминов, что

Олег Валерьевич Соколов — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.sokolov@spbu.ru

Oleg V. Sokolov — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; o.sokolov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

совершенно неприемлемо для книги, обещавшей быть новым словом в исторической науке.

Ключевые слова: Александр I, Наполеон, Мари-Пьер Рэй, Война 1812 г., Кутузов, Барклай де Толли, Нарбонн, гуманитарные проблемы войны.

The Womanly Face of War

O. V. Sokolov

For citation: Sokolov O. V. The Womanly Face of War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 3, pp. 1146–1157. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.319> (In Russian)

This review offers a detailed analysis of the monograph “A terrible tragedy. A new perspective on the war of 1812” written by the famous French historian, Professor of the Sorbonne, Marie-Pierre Rey. The author of the book declares in the introduction that she has written “a global history of the Russian campaign”, claiming that historians are not particularly interested in people. It appears that the monograph is not entirely consistent with the stated global scale. Despite a careful analysis of the humanitarian aspects of the war, the book is concise with regard to military-political problems. Assessing the activities of politicians and servicemen, exploring their motives, the author almost always refers exclusively to memoir literature, and sometimes to very dubious pseudo-scholarly arguments, although there is a vast array of simultaneously published papers that give voluminous and truthful picture of the period. It is disappointing that the author who had the opportunity to work in the best archives of France practically didn't introduce new sources to scholarly circulation. Moreover, there are unfortunate inaccuracies casting doubts on the depth of the study. For example, the author confuses the number of regiments with the numbers of divisions and brigades, shows little competence in the matter of armaments, troops and their tactics. Finally, the translation of the book into Russian contains unacceptable errors in terminology, which does not do justice to the ambition of the book to blaze a trail in the historical science.

Keywords: Alexander I, Napoleon, Marie-Pierre Rey, War of 1812, Kutuzov, Barclay de Tolly, Narbonne, humanitarian problems of the war.

В издательстве РОССПЭН в 2015 г. вышла монография «Страшная трагедия. Новый взгляд на войну 1812 г.» известного французского историка, профессора Сорбонны Мари-Пьер Рэй, посвятившей свою научную деятельность изучению истории и современности нашей страны.

Переводчик, смягчив довольно громоздкую формулировку, перевел название книги как «Новый взгляд на войну 1812 г.» На самом деле монография имеет еще более амбициозное название: «Une nouvelle histoire de la campagne de Russie», т. е. «Новая история русской кампании». «Новая история» в том смысле, что это поистине некое важное переосмысление и во многом «настоящая» история войны Наполеона с Россией, которая, доселе, видимо, была неизвестна. Действительно, автор во вступлении пишет, что на основе использования широкого круга русских и французских источников она написала «глобальную историю российского похода» (!).

Мари-Пьер Рэй отмечает также, что «до настоящего времени историки не особо интересовались людьми», как она выразилась: «...мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, бойцами и гражданскими лицами, участниками и свидетеля-

ми этой трагической эпопеи... Насилие, физические страдания от холода и голода, психические травмы солдат и гражданских лиц — все это свидетельствует, до какой степени война 1812 года была тяжким испытанием для тел, душ и сердец <...> человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания, когда они, описывая действия людей, войсковых подразделений и полков, уподобляли их оловянным солдатикам и не всегда отдавали себе отчет о чувствах участников и свидетелей событий в том. Что пережили и чувствовали военные и штатские»¹.

Действительно, в этом смысле автор полностью выполнила свое намерение. Примерно половина книги состоит из больших фрагментов мемуаров, дневников, памфлетов, описывающих голод, холод, пожарища, насилия, мучения, грабежи и бесчинства. Что же касается политической и военной составляющих конфликта, они, увы, описаны весьма кратко. Необходимо отметить, что чистого текста монографии (без примечаний и предисловия) всего лишь 243 страницы по 2,5 тыс. знаков каждая. А учитывая объем, который автор отвел описанию мучений и страданий, для традиционных военно-политических аспектов осталось совсем немного места. При таком довольно скромном размере текста сложно было бы изложить с достаточной документальной аргументацией какие-либо новаторские концепции, особенно если учитывать, что войне 1812 г. посвящено огромное количество исследований историков — как русских, так и зарубежных.

Действительно, в отношении политики Александра и Наполеона автор придерживается распространенных концепций. Единственное, что весьма необычно, это то, что они близки по своим подходам скорее русским, нежели французским ученым. Видение генезиса и подготовки конфликта со стороны Мари-Пьер Рэй близки таковым прежде всего в монографиях Доминика Ливена «Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814»², В. М. Безотосного «Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг.»³, которые изданы тем же издательством и в той же серии. Единственное отличие книги Мари-Пьер заключается в том, что она рассматривает те же вопросы более кратко, почти конспективно.

Необходимо отметить, что в этой «классической части» исследования, ряд положений не выдерживает критики с точки зрения методологии. Так, рассматривая планы Наполеона в предстоящей кампании, автор обращается не к синхронным документам, которых опубликовано великое множество и которые автор, работающий во Франции, мог бы дополнить интересными сведениями французских архивов, а к мемуарной литературе. Мари-Пьер Рэй цитирует мемуары Коленкура, где излагается, как ей кажется, стратегический замысел Наполеона в будущей кампании. Однако мемуары Коленкура, хотя и были написаны вскоре после завершения наполеоновской эпопеи, в 20-е гг. XIX в. (опубликованы полностью в 1933 г.), полны искажений, связанных с изменением точки зрения автора в результате падения империи Наполеона. Масса высказываний Коленкура о проектах Наполеона продиктована знанием постфактум и совершенно не подтверждается синхронными источниками. Едва ли можно на основе только подобных мемуаров анализировать стратегические замыслы Наполеона. Так, фраза Коленкура, которую приводит Мари-Пьер Рэй, совершенно очевидно придумана задним числом: «Если импера-

¹ Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812. М., 2015. С. 9.

² Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

³ Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.

тор Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы. У них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов»⁴.

Ни в одном синхронном документе, относящемся к подготовке военных операций, не говорится о возможности воздействия климата на наполеоновскую армию. Даже в плане подполковника П. А. Чуйкевича «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией», датированном 2 апреля 1812 г., единственном предвоенном плане, где последовательно и всерьез рассматривается мысль о глубоком отступлении в просторы России, ничего не говорится о русской зиме⁵. Тем более ничего об этом не говорится в плане Фуля, оригинал которого был подробно изучен в архиве автором этих строк и где речь идет лишь о коротком, на оперативном уровне отступлении и вообще не рассматривается перспектива долговременной войны. И уж очевидно, что ничего подобного нет в сорока других предвоенных планах русского командования, которые все до одного предполагали наступление. Но Мари-Пьер Рэй уверена, что в русском генеральном штабе «появилось убеждение, что нужно вести скифскую войну»⁶.

Нужно сказать, что еще Е. В. Тарле в своем классическом произведении «Нашествие Наполеона на Россию» категорически отрицал наличие заранее подготовленного плана отступления вглубь России. «Не “скифский план” искусственного заманивания противника, а отход под давлением превосходных сил — вот, что руководило действиями Барклая в первые месяцы войны. О “скифском плане” стали говорить уже на досуге, когда не только война 1812 г. окончилась, но когда уже и войны 1812–1815 гг. уже давно отошли в область прошлого»⁷. Это мнение подтверждают практически все синхронные источники — как ранее известные, так и недавно опубликованные. Совершенно немыслимо, чтобы Коленкур в разговоре с Наполеоном в 1812 г. доказывал, что император Александр принял решение об отступлении вглубь России, да еще и грозил страшной русской зимой!

Но это еще не все. Оказывается, министр полиции Фуше восклицал накануне войны 1812 г., обращаясь к Наполеону: «Сир, я заклинаю вас во имя Франции, во имя славы вашей и нашей безопасности, уберите меч в ножны: подумайте о Карле XII»⁸. Мемуары Фуше были написаны, так же как и мемуары Коленкура, в 20-е гг. в период Реставрации, когда в произведениях политических деятелей, писавших об эпохе Наполеона, было модно в угоду новым властям осуждать непомерные амбиции «корсиканского узурпатора». А если автор играл хоть мало-мальскую роль в политике, он обязательно указывал на то, что не раз предупреждал Наполеона об авантюристности его политики и предсказывал, что Великая армия погибнет в бес-

⁴ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 32.

⁵ Чуйкевич П. А. Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии инсurreкцию посредством вооруженной экспедиции // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. С. 44–53.

⁶ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 33.

⁷ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1994. С. 72.

⁸ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 34.

крайних просторах России, где ее будут атаковать полчища казаков и где ее остатки замерзнут в русских снегах.

Только все это, как говорят во Франции, «юмор на лестнице», т. е. остроты и блестящие мысли, придуманные, когда званный вечер закончился и гости уже разошлись. Все эти мудрые идеи появились, когда все уже знали о результатах катастрофического похода в Россию.

Сравнить высказывания накануне и после войны 1812 г. довольно сложно, так как редко сохранились высказывания одного и того же лица в то и другое время. Тем не менее в ряде случаев это представляется возможным и, в частности, такое сравнение было проведено автором рецензии с помощью не введенных ранее в научный оборот документов по отношению к адъютанту Наполеона Нарбонну. Оно убедительно показало, что между реальным мнением Нарбонна, высказанным в письмах накануне войны, и мрачным пророчеством о зиме, снеге и казаках, дошедшим до нас из мемуарной литературы, лежит огромная пропасть. Представляется, что для такого заслуженного ученого, как профессор Рэй, должно было бы быть очевидным, что мемуары порой обладают эффектом кривого зеркала, а подход к ним должен быть более осторожным.

Но если в области политических и общестратегических концепций Мари-Пьер Рэй осталась в рамках более-менее традиционных взглядов, то в военной области ее работа оказалась действительно «новаторской», но с отрицательным знаком. Ряд высказываний автора показывают ее недостаточное понимание военной составляющей кампании 1812 г.

Разумеется, война принесла с собой огромные страдания, которые так хорошо и подробно описала Мари-Пьер Рэй. Но все-таки кроме страданий отдельных личностей были и коллективные переживания, кстати далеко не всегда отрицательного плана: кроме боли и горя были порывы отваги, и самопожертвование, и опьянение боем, когда люди забывали в отчаянной схватке о своих ранах. Были и движения войсковых масс, маневры дивизий, развертывание батальонов и артиллерийских батарей... и т. д. Понятно, что для того чтобы это понять и передать, требуется понимание специфики военного дела, воинской психологии, оперативного искусства и тактики того времени. О том, насколько Мари Пьер Рэй далека от исследования этого аспекта, говорят многочисленные серьезные ошибки в военной области, которыми просто пестрит все произведение. Так, в сражении при Бородине Багратионовы флешы атакует 61-я бригада Раппа (!), а затем — 57-я дивизия, «во главе которой стоял Даву»!⁹

Напрасно читатель станет искать в самых подробных боевых расписаниях подобные соединения. В Великой армии не существовало ни 61-й бригады, ни 57-й дивизии. Мари-Пьер Рэй просто почему-то так назвала знаменитые, между прочим, 61-й и 57-й линейные полки! И это не ошибка переводчика. В тексте французского издания написано именно так (о переводе, который изобилует «открытиями» в области военного искусства, мы говорим чуть ниже).

Изумляет также следующий факт. По оценке автора, в ходе сражения при Бородине было выпущено с французской стороны 60 тыс. пушечных выстрелов и 140 тыс. ружейных, а с русской стороны — 50 тыс. пушечных выстрелов и 120 тыс.

⁹ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 125.

ружейных¹⁰. Мари-Пьер Рэй ссылается на книгу Кертиса Кейта «La campagne de Russie 1812»¹¹, который, в свою очередь, приводит цифры, данные барона Денние, субинспектора по смотрам кабинета начальника главного штаба Великой армии в его, ставшем классическим, произведении «Путь императора Наполеона во время русской кампании 1812 г.», изданном в Париже в 1842 г.¹²

Только Денние говорит не о 140 тыс. ружейных пуль, а о 1 млн 400 тыс. израсходованных патронов! Кертис Кейт, а вслед за ним и Мари Пьер Рэй не заметили, что 135-тысячная армия выпустила за день лишь 140 тыс. патронов, иначе говоря, чуть больше одного патрона на человека, что понять невозможно. Не проверить данные американского историка по первоисточнику — это, конечно, довольно серьезный недостаток. Но еще больше вызывает удивление, что эти оба автора совершенно не представляют «физического» смысла приводимых ими цифр, иначе подобный абсурд не мог бы проникнуть в их произведения.

Это непонимание военной составляющей, механики сражения той эпохи присутствует во всей книге, едва речь заходит о битве. Так, Мари-Пьер Рэй, описывая Бородинское поле, говорит, что «в центре естественной защитой (русских позиций. — О. С.) служил 20-метровый берег реки Колочи»¹³.

Двадцатиметровый берег — это что-то похожее на Большой Каньон, а не на маленькую речушку в центральной полосе России! Автор опять делает ошибку... всего лишь на один ноль. Река Колочь действительно имеет крутые берега, которые в некоторых местах достигают высоты двух, а то и трех и даже четырех метров. Но это совсем не двадцать метров! Двадцать метров — это высота 6-этажного дома. Автор, даже если и посетила поле Бородинского сражения, совершенно не обратила внимания на его характеристики. Написать, что берег Колочи был подобной высоты — это продемонстрировать отсутствие представлений о размерах и пропорциях поля сражения.

Автор указывает также, «...что Кутузов приказал своим солдатам соорудить редуты и фортификации»¹⁴ (в данном случае это точно переведенный французский текст). Так же написано и в монографии, изданной в Париже. Но дело в том, что редут — это один из типов фортификационного сооружения. Написать «редуты и фортификации» — это примерно то же самое, что написать «на столе лежала колбаса и еда».

Говоря о фортификации, необходимо отметить, что, по мнению автора, Наполеон пошел на Москву не вследствие того, что он двигался вслед за русской армией, а в результате сознательного выбора. А не пошел Наполеон на Петербург, так как этот город, с точки зрения историка, был «хорошо укрепленный, а значит, более неприступный, чем Москва»¹⁵. Но известно ли Мари-Пьер Рэй, что Петербург вообще никогда не имел вокруг себя крепостных стен? Маленькая цитадель — Петропавловская крепость — никак не могла защитить сам город, и в лучшем случае в ней можно было укрыть на короткий промежуток небольшой гарнизон. Еще одна

¹⁰ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 123.

¹¹ Cate C. La campagne de Russie : 1812, le duel des deux empereurs. Paris, 2006.

¹² Deniée. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842.

¹³ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 117.

¹⁴ Там же. С. 116.

¹⁵ Там же. С. 111.

маленькая цитадель — укрепления перед Адмиралтейством — была ликвидирована между 1806 и 1810 г. Так что непонятно, каким образом Петербург мог рассматриваться как крепость.

Кстати, по поводу выбора московского направления Мари Пьер Рэй приводит в качестве серьезного довода мнение Андрея Рачинского, преподавателя Института восточных языков в Париже, согласно которому «в своем стремлении покорить мир Наполеон хотел освятить свое дело и короноваться императором в Кремле»¹⁶! Правда, через несколько строк французский историк указывает, что «источники, на которые ссылается Андрей Рачинский, разрозненные, говорят намеками и вызывают сомнения»¹⁷. Это еще слишком мягко сказано. Ссылка на такого «историка», как А. Рачинский, поражает. Дело в том, что в упомянутом Мари-Пьер Рэй произведении «Несостоявшаяся коронация Наполеона» Рачинский не ссылается ни на один серьезный источник, а приводит лишь безосновательные догадки, соображения и априорные мысли¹⁸.

Так, Рачинский пишет, что для коронации Наполеона «императором Вселенной» (!) «в Москву были привезены французская балетная труппа, итальянская опера, драматический театр «Комеди Франсез», целый обоз с серебряной и фарфоровой посудой, портнихи, модистки, повара и, наконец, императорские регалии», причем во время отступления императорские регалии попали в руки казаков¹⁹. Автор этих строк много лет работал в Архиве французской армии в Венсенском замке, в Национальном архиве в Париже, в РГВИА в Москве и изучил тысячи писем, приказов и отчетов эпохи войны 1812 г., как изданных, так и неизданных, и нигде, абсолютно нигде не видел и следа подобных перемещений огромных масс гражданских лиц и ценностей, которые должны были бы отложиться в сотнях, если не тысячах, отчетов, смет, согласований и приказов по организации такого грандиозного вояжа! Никто из авторов дневников, записок и мемуаров не видел гигантского караван-сарая балерин, певцов и музыкантов, что абсолютно немыслимо, если бы подобное путешествие было бы действительно организовано.

Нет также никаких следов и перемещения императорских регалий в 1812 г., а императорская корона и скипетр Наполеона преспокойно находятся в Лувре, где их может посмотреть любой желающий.

Единственная «ссылка» у Рачинского звучит так: «Эти подробности сообщит много лет спустя французский генерал Виктор Дестю де Траси историку Альфреду Сюдру» (!). Вот так, ни больше ни меньше: один человек когда-то кому-то что-то рассказал. У любого уважающего себя историка указание на столь «надежный» источник, на котором автор строит грандиозные теории, должно вызвать ясное понимание, что перед ним не историческое исследование, а фантазии на историческую тематику.

Но возвратимся к самой монографии и освещению в ней военных проблем. Как уже указывалось, Мари Пьер Рэй плохо представляет все военно-технические аспекты. Например, она утверждает, что в результате военных реформ Барклай де

¹⁶ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 111.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Рачинский А. В. Несостоявшаяся коронация Наполеона // 1812 год и освобождение России от нашествия неприятельского. М., 2013. С. 20–24.

¹⁹ Там же. С. 23.

Толли «батальон стал базовой тактической единицей» (!)²⁰. Подобное утверждение вызывает по меньшей мере удивление. Пехотный батальон стал базовой тактической единицей с той поры, как на поле боя появилась пехота, способная противостоять рыцарской коннице, иначе говоря с конца XV — начала XVI в. Большие колонны швейцарских пикинеров, а затем колонны ландскнехтов назывались в ту пору «баталии». Они насчитывали в своих рядах по несколько тысяч человек. Но очень скоро «баталия» станет колонной в тысячу, а потом и несколько сотен человек и к концу XVI в. превратится в батальон как по названию, так и по сути. Отныне повсеместно использовался этот термин, который всегда и везде обозначал именно базовую тактическую единицу. Батальон и в XVI, и в XVII, и в XVIII в. — это тактическая единица, которая самостоятельно действует на поле боя.

В начале XIX в. из батальонов складываются построения крупных соединений, бригад, дивизий, корпусов. В свою очередь, из батальона при необходимости выделяются отдельные роты для ведения, например, стрелкового боя. Однако везде и всюду батальон — это базовая тактическая единица и ничто другое. Непонятно, каким образом реформа Баркляя де Толли изменила что-то в азбучной практике всех европейских армий.

Госпожа Рэй также делает открытие в области вооружений российской армии. Так, например, на с. 90 она утверждает, что в армии «мушкетов не хватало... их российское производство было недостаточным, чтобы покрыть все нужды»²¹. Как известно, на русском и французском языке слово мушкет (фр. mousquet) обозначает фитильное огнестрельное оружие. То оружие, которое было в русской и французской пехоте в 1812 г., называется по-русски ружьем с ударно-кремневым замком, или просто ружьем, а по-французски — fusil. Правда, в английском языке термин musket применяется также и к ружью с кремневым замком, но на русском и французском языках называть мушкетом оружие пехотинцев 1812 г. неприемлемо. Мари-Пьер Рэй отмечает также, что огнестрельного оружия в русской пехоте не хватало и «многим пехотинцам пришлось сражаться холодным оружием»²². Здесь автор явно путает ряд ополченческих формирований, которые действительно были вооружены пиками, и регулярную армию. В полках пехоты подчас были разнокалиберные ружья, использовались старые образцы ружей, но никогда в эту эпоху на поле боя не посылались регулярные полки, не имевшие огнестрельного оружия.

Вообще, со всеми аспектами, связанными с оружием и экипировкой солдат того времени, автор явно не знакома. Так, на с. 55 госпожа Рэй указывает, что «каждый солдат нес ранец, весивший до 30 кг»²³. Тут автор явно перепутал общий вес экипировки, который действительно у русских и французских солдат был примерно 30 кг с весом ранца. Согласно регламенту французской армии того времени, касающемуся обмундирования и экипировки, предписывалось иметь ранец, который весит вместе с содержимым 9,254 кг. Разумеется, подобная точность возможна только в официальных документах и вес реального ранца варьировался в пределах нескольких килограмм, но с некоторым приближением его можно определить как предмет, весивший около 10 кг. Предполагать, что ранец мог весить 30 кг, это

²⁰ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 31.

²¹ Там же. С. 90.

²² Там же. С. 52.

²³ Там же. С. 55.

значит полностью абстрагироваться от физического смысла цифр. Дело в том, что солдат наполеоновской эпохи не только совершал форсированные марши с ранцем за плечами, но и не снимал его даже во время боя. В 1805 г. в русской пехоте еще практиковался старый обычай снимать ранцы перед боем, так что после Аустерлица, когда русской армии пришлось поспешно отступить, почти все ранцы оказались брошенными на поле сражения и солдаты остались без предметов первой необходимости. После этого урока в русской армии также не снимали перед боем ранцы, как и во французской. Интересно, как представляет себе историк солдата, действующего в бою с 30-килограммовой ношей за плечами?!

Автор вообще с трудом представляет себе, что такое армия. Вместе с историком Натали Петито она отмечает, «каким моральным, психологическим и физическим потрясением была... для молодых людей служба в армии»²⁴. С ужасом Мари-Пьер Рэй отмечает, что французские солдаты должны были научиться «шагать в ногу, носить униформу, подчиняться приказам, обращаться с оружием как огнестрельным, так и холодным»!²⁵ Неужели историк полагает, что все это происходило по причине какого-то особого деспотизма Наполеона и что обучение маршировке, ношение униформы и подчинение приказам являлись каким-то необычным исключением из правил, присущим только его империи?!

Нужно полагать, что госпожа Рэй, прекрасный историк, когда речь идет о биографии и психологии отдельной личности, взялась за тему, совершенно далекую от привычного круга ее интересов. Она с удивлением отметила, что в армии заставляют маршировать и носить форму и, конечно же, с ужасом отметила наличие действительных насилий, грабежей, беспорядков, которые сопровождают в той или иной степени любую армию. Видимо, для нее эта сторона войны была совершенно неожиданной. И вот что Мари-Пьер Рэй написала в своей книге: «...новшеством войны 1812 г. было то, что на долю мирных жителей тоже выпали тяжелые испытания»²⁶.

Подобное утверждение вызывает как минимум изумление. Как известно, татаро-монгольское нашествие на Русь уничтожило значительную часть населения страны, обратило в пепел чуть ли не две трети русских городов. Но если Мари-Пьер Рэй XIII век кажется слишком отдаленной эпохой и она не сравнивает с ней войну 1812 г., то вспомним, что в Тридцатилетней войне, уже вполне войне уже Нового времени, общие людские потери составили 5–8 млн чел., из них лишь менее 1 млн были военными потерями, остальное — потери гражданских лиц. На территории Священной Римской империи многие регионы потеряли до 20–45 % своего населения. При всей трагедии грабежей и ужасов 1812 г. она и отдаленно не приближается к подобным кошмарам.

К досадным неточностям автора добавилась полная некомпетентность переводчика в военных и технических вопросах. Чего только стоит фраза, касающаяся процесса заряжания ружья. Так, согласно переводчику, чтобы зарядить его, требовалось «поместить пыж, содержащий пулю (!) и 12-граммовый заряд пороха в дуло»²⁷. «Как может пыж содержать в себе пулю и порох?!» — с удивлением

²⁴ Рэй М.-П. Страшная трагедия... С. 44.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 108.

²⁷ Там же. С. 44.

воскликнет любой человек, хоть раз державший в руках огнестрельное оружие. Разумеется, никак. Переводчик перевел французское слово *cartouche*, означающее бумажный патрон, словом «пыж», что превращает разумную фразу в абсолютно бредовую сентенцию.

На той же странице переводчик делает открытие в области сапожного дела. Так, говоря о солдатских башмаках, он пишет: «...шнурки фиксировались сапожными гвоздями» (!!). Наверное, любой человек, который хоть когда-нибудь завязывал ботинки, будет ломать голову, как шнурки можно фиксировались гвоздями. Может, во французской армии прибывали башмаки гвоздями к ногам?! Конечно, нет, просто автор пишет, что подошва держалась на сапожных гвоздях, а про шнурки говорилось, что с их помощью легкие башмаки, похожие на современные полуботинки, привязывались к лодыжке²⁸.

Переводчик делает также немало «открытий» в области вооружения. Так, если верить его переводу, по Смоленску стреляли «орудия 12 калибра»²⁹. Как известно, понятие «12 калибр» относится к гладкоствольному охотничьему оружию и означает количество пуль, которые можно отлить из одного английского фунта свинца, так что 12 калибр обозначает диаметр ружейного ствола 18,2 мм и, конечно, не имеет никакого отношения к пушкам.

В оригинале автор приводит цитату из текста той эпохи, возможно даже не до конца понимая ее значение. Там написано *pièces des douze*, дословно 'орудия двенадцати', что на разговорном военном французском языке той эпохи означало двенадцатифунтовые пушки, т. е. пушки, ядра которых весили 12 фунтов (русский артиллерийский фунт — 491,4 г, французский фунт 489,5 г), т. е. весили ядра около 5,89 кг, а калибр ствола был 120,7 мм. Как видно, все это разительно отличается от ружейного 12 калибра.

Как невообразимая абракадабра читается описание препятствий, созданных вокруг батареи Раевского. Вот как переводчик изложил слова автора: «На расстоянии 150 м от нее находился ряд ловушек, сделанных из больших стволов деревьев, развернутых острыми концами к кавалерии, а горлышко, то есть подход сзади, был укреплен двойным палисадом»³⁰. Можно держать пари: мало кто может разобрать, что это за ловушки из деревьев, и у какого «горлышка» поджидали наполеоновских солдат, и как должны были туда их загнать. Расшифруем то, что написано в оригинале. Автор пишет, что «перед батареей был сделан ряд волчьих ям, внутри которых были помещены острые колья, предназначенные для кавалерии».

Почему для кавалерии? Волчьи ямы были сверху ничем не замаскированы и поэтому для пехотинцев они были хорошо видны и не очень опасны, но всадник на всем скаку мог легко угодить в подобную яму, а его лошадь погибнуть, напоревшись на острый кол³¹.

---

²⁸ Если уж быть совсем дотошным, фраза автора не совсем точна, так как она относится к легким бально-выходным мужским туфлям, которые французские солдаты носили в неслужбное время. Некоторые из этих туфель имели широкие завязки и крепились к ноге примерно так же, как балетная обувь к ногам танцовщика. Обычные же походные башмаки завязывались на шнурки точно так же, как современные полуботинки, да и выглядели они так же, как современные полуботинки на толстой подошве.

²⁹ *Рэй М.-П.* Страшная трагедия... С. 102.

³⁰ Там же. С. 118.

³¹ *Rey M.-P.* *L'Éfroyable tragedie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie.* Paris, 2012. P. 150.

Что же касается второй части про «горлышко», имеется в виду то, что батарея Раевского со стороны горжи, т. е. с тыла, была прикрыта палисадом. «Горжа» — русский фортификационный термин, происходящий от французского gorge (горло), и обозначает открытый тыл укреплений, а никакое не «горлышко», которое читатель напрасно будет искать в батарее Раевского.

Весь текст наполнен подобными неточностями перевода, которые зачастую искажают смысл сказанного автором. Так, на с. 68 переводчик описывает походный порядок. Согласно его представлениям, пехотинцы двигались «двойными рядами с обеих сторон дороги, по которой ехали обозы»³². Подобным образом переводчик описал то, что называется «колонна по двое». По-русски нужно было бы написать: по обоим краям дороги двигались пехотинцы в колонну по двое.

Кроме того, едва ли можно переводить французское blouse, примененное к русским крестьянам, как «блуза». В России тогда и сейчас этот вид одежды называли рубахой.

Французское прилагательное brave имеет несколько значений в зависимости от того, где оно стоит. Когда мы говорим homme brave, это означает «храбрый человек», «храбрец», но в словосочетании «brave homme» brave переводится как «хороший», «добрый». Поэтому, когда Наполеон пишет об Александре, что это brave homme, он имел в виду не «храбрый человек», как пишет на с. 20 переводчик, а «хороший», «добрый человек», «славный малый»...

В общем же, явно некомпетентный плохой перевод не украшает книгу, а лишь затрудняет ее восприятие. В результате кажется, что монография с амбициозным названием едва ли соответствует той заявке, которая была анонсирована. По научному уровню она сильно уступает работам отечественных историков, таких как Попов А. И.³³ и Земцов В. Н.³⁴ — авторов замечательных монографий о войне 1812 г.

Мари-Пьер Рэй прекрасный историк, пока речь идет об общих политических вопросах, замечательный автор биографических произведений и, что очень важно, один из немногих французских историков, любящих и знающих нашу страну, оказалась не на уровне поставленной задачи.

Видимо, у войны все же «неженское лицо»...

References

- Bezotosnyi V. M. *Russia in the Napoleonic wars of 1805–1815*. Moscow, ROSSPEN, 2014, 664 p. (In Russian)
- Cate C. *La campagne de Russie: 1812, le duel des deux empereurs*. Paris, Tallandier, 2006, 483 p.
- Chuikevich P. A. Patriotic thoughts or political and military arguments about the coming war between Russia and France and the supply of funds to erect in Germany Insurrection by means of an armed expedition. *Rossiiskii Arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh*, Moscow, Studiia TRITE: Rosiiskii. Arkhiv, 1996, vol. VII, pp. 44–53. (In Russian)
- Denniée. *Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*. Paris, Paulin, Libraire-Éditeur, 1842, 215 p.
- Liven D. *Russia against Napoleon: struggle for Europe, 1807–1814*. Moscow, ROSSPEN, 2012, 680 p. (In Russian)
- Popov A. I. *Great army in Russia. Chasing the Mirage*. Samara, NTTS, 2002, 439 p. (In Russian)
- Rachinskii A. V. The failed coronation of Napoleon. *1812 and the liberation of Russia from the invasion of the enemy*. Moscow, Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy, 2013, pp. 20–24. (In Russian)

³² Рэй М.-П. Стрaшная трагедия... С. 68.

³³ Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.

³⁴ Земцов В. Н. Наполеон в Москве. М., 2014.

- Rey M.-P. *L'Éfroyable tragedie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*. Paris, Flammarion, 2012, 320 p.
- Rei M.-P. *Terrible tragedy. A new look at 1812*. Moscow, ROSSPEN, 2015, 320 p. (In Russian)
- Tarle E. V. *Napoleon's invasion of Russia*. 1812. Moscow, Pressa, 1994, 544 p. (In Russian)
- Zemtsov V.N. *Napoleon in Moscow*. Moscow, Media-kniga, 2014, 323 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2018 г.

Рекомендована в печать 10 июня 2019 г.

Received: April 28, 2018

Accepted: June 10, 2019